

8. ОБ АРХАИКЕ В СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЕ СЛОВА (*яр — юр — буй*)

Односложные знаменательные слова редки и немногочисленны в славянских языках. По большей части это древние существительные и в то же время прилагательные в краткой форме. Путем суффиксального осложнения от них образуются производные. Наличие словарного гнезда и примитивность (недифференцированность) морфологической структуры исходного слова — наряду со сравнительно-историческими данными — служат достаточно убеждающими признаками их древности. Естественно приходит мысль о древности и семантической структуры таких слов. Если она сохранилась — пусть и не в первоначальном виде, а фрагментарно, в некоторых пережитках, — то такие односложные знаменательные слова могут послужить опорой для наших суждений о признаках архаической смысловой структуры слова.

В недавно опубликованной нами статье была прослежена филиация значений слова *буй* (гнездо: *буян* — 'высокое место', *буево* — то же, *буйный*, *буесть*, *буйство*, (о)буять, *буевище*, *буянить* ³),

¹ «Русская историческая библиотека». Т. 13. СПб., 1891, с. 204.

² Ср. фамилии: *Ухан-ов*, *Сухан-ов*, *Лобан-ов*, *Голан-ов*, *Гурбан-ов*, *Буян-ов*.

³ См.: *Ларин Б. А.* Из истории слов. *Буй — погост*. — В кн.: Слово в народных говорах русского Севера. Изд-во ЛГУ, 1962, с. 3—14. [См. в настоящем издании с. 83.]

которая не оставляет сомнений в исконности этого русского слова, унаследованного из индоевропейского фонда, хотя до этого и были попытки отнести его к заимствованиям.

Нет сомнений и в исконности русских слов: *яра*, *ярь* (чеш. *ja-go*) — ‘весна’, в древнерусском — ‘лето’ (гнездо: *ярило*, *ярка*, *ярец*, *ярина*, *ярица*, *поярок*, *ярчук*, *ярова́ть*, *ярово́й*) и прилагательного *яр* (*ярый*) (гнездо: *яро́сть*, (*раз*)*яри́ться*, *яро́стный*, *ярки́й*). От них обычно обособляют *яр* — ‘крутой берег’.

Слово *юр* и производные *юра́*, *юри́ла*, *юрки́й*, *юрка́ть*, *юркнуть*, укр. *юрний*, *юрли́вий*, бел. *юри́ць*, хотя иногда и были относимы к заимствованиям из тюркских языков (Маценауэр, Бернекер), но большинство этимологов не настаивает на этом (Брюкнер, Преображенский, Фасмер), считая, однако, эту группу слов неясной по происхождению.

Каково бы ни было происхождение этой группы слов, древность ее — по крайней мере в восточнославянских языках — не подлежит сомнению. А нас все эти три группы интересуют более всего именно по принадлежности к архаическому слою в наших языках. Как мы увидим дальше, есть между системами значений трех исходных слов такие аналогии, такие неожиданные, при всех их различиях, совпадения, что трудно отказаться от мысли о закономерности этих аналогий. Опираясь на них, можно реконструировать древний семантический комплекс, такие смысловые связи, которые теперь непривычны, а потому мало понятны и кажутся случайными. Но хотя пути развития каждой группы приводят к расхождению, удалению их друг от друга, тем не менее проясняется и прослеживается общая закономерность их семантического развития, а это уже немаловажный вывод для исторической семасиологии.

Прежде всего восстановим основные вехи истории слова *буй*¹.

I^а. Высокое место, холм, бугор;

|| глубокое место в реке, озере; стремнина, быстрое течение;

|| метонимичное: множество рыбы в глубоких местах водоема; косяк, стая рыбы; куча рыбы.

II^а. Открытое место (обычно избираемое для менового торга, княжеского суда; для постройки кумирни, языческого, а потом и христианского храма);

I^б. Высокий, большой, сильный.

II^б. Заносчивый, гордый;
↓
необузданный, неистовый;
↓
шалый.

¹ См.: Ларин Б. А. Указ. статья. В Белорусско-русском словаре под ред. акад. К.К. Крапивы (М., 1962) читаем: *буйны* — ‘крупный’; *буйнець* — ‘крупнеть’; *буяна*, *буяно*; *буяць*: 1) ‘бурно расти’, 2) (в ущерб плодоношению) ‘расти в ботву’; (о деревьях — еще) ‘жировать’ (с. 134—137).

|| церковная усадьба на высоком месте.

III^а. Кладбище.

III^б. Глупый.

Первоначально это слово было и существительным, и прилагательным. Далее эти части речи дифференцировались, каждое из двух слов развивалось самостоятельно и независимо, но в какой-то мере параллельно.

* * *

Сравним теперь гораздо более сложный комплекс значений слов *яр*, *яра* (*яро*) и *ярь* с их производными, реконструируя и для этих слов историческую перспективу их развития.

Прилагательное *яръ* (*яра*, *яро*), *ярый* (*ярая*, *ярое*) засвидетельствовано с XI в. В «Материалах для словаря древнерусского языка» И. И. Срезневский систематизирует употребление его в следующей схеме: 'гневный; гневливый; сварливый; жестокий, строгий; заносчивый; смелый, отважный; сильный, порывистый'¹. Ср. *яроствь* — 'гнев' (засвидетельствовано тоже с XI в.), *яръ* — 'гнев' (с XII в.), *яроствивый* (с XVI в.), *яроствный* (с XII в.)².

Совпадение ряда значений прилагательных *яр* и *буй* подкрепляется их чередованием (например, в «Слове о полку Игореве»: «*Буйгур* Всеволод», «*Яръ* туре Всеволоде») и словосложением: в чеш. *biјаgú* и ст.-чеш. *јаgоbiјnú*³.

Слово *яра* — 'весна (лето, год)' засвидетельствовано с XIV в., производное от него *яровый* — 'посеянный весной' (с XIV в.), от него же *ярина* — 'овечья шерсть, волна' (с XI в.)⁴, *яръка* — 'молдая овца' (с XVI в.).

Слово *ярь* в древнерусском с XII в. документировано в значении 'яровой хлеб'. Одновременно с XII в. и *ярна* — 'волна, овежья шерсть'.

В псковских говорах очень широко засвидетельствовано *ярь* — 'яровой хлеб'⁵; ср.: *под яр* (сеять), т. е. весной. В украинском из-

¹ Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. Т. III. СПб., 1912, с. 1663 сл.; ср. с. 1659—1662.

² У В.И. Даля несколько иная схема значений: 'огненный, пылкий; сердитый, злой, лютой; горячий, запальчивый; крепкий, сильный; жестокий, резкий; скорый, бойкий, неудержимый, быстрый, крайне ретивый, рьяный; расплавленный и плавкий; весьма горячий; белый, блестящий, яркий; горячий, похотливый'. Среди примеров еще: «Нож порато *ярый*» (северное) — 'острый' (*Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. Изд. 3-е. Т. IV. СПб., 1908, с. 1577—1582).

³ *Machek V.* Etymologický slovník jazyka českého a slovenského. Praha, 1957, с. 50.

⁴ Сюда же присоединяют и *ярига* (позже *ярига*) — 'грубая ткань, грубая одежда, вретиче' (см. ссылку на работу Микколы в Этимологическом словаре М. Фасмера. Т. IV, с. 560).

⁵ Пояснение: 'овес, ячмень, горох, греча, пшеница' (села Васильевщина, Марьянское, Глушь, Лосица, Дубок, Подборовье, Кошкино и др.).

вестны два значения слова *ярь*: 1) 'весна' и 2) 'яровые хлеба'. В Зонежье — те же значения ¹.

Производные: *ярица* — 'яровая или однолетняя рожь'; *ярка*, *ярушка*, *ярочка*, *ярёночка* — 'молодая годовалая (не ягнившаяся) овца'; *ярина* — 'белая шерсть' ². Псковские говоры дают параллельное образование: *яритина* и *яритинка* (из *яретина) — 'шерсть, состригаемая с овцы впервые (весной, в мае)' — Лядский р-н ³. Далее, *яровня* — 'севалка, лукно'.

Более полную и древнюю систему значений прил. *яр*, *ярый*, чем древнейшие русские памятники, сохранил до наших пор украинский язык: не только 'весенний' (*яра пшениця*), 'родившийся в этом году' (*яра пчолочка*), 'молодой' (*коза ярая*), но и производные: 'зеленый' (*яра рута*, *верба яра*), 'полный сил, страстный, пылкий, (стар, та яр)', 'пылающий' (*яре пекло*) ⁴.

Только некоторые из архаичных русских говоров дают аналогичные древние или близкие значения: *яро́й лед* — 'чистый, не покрытый снегом'; *яро́й* и *ярый* — 'быстро, неутомимо работающий' (олонецк.) ⁵; *яр* — 'пыл': «Как горела деревня, такой был яр на улице, что подступиться невмочь» (костр.) ⁶. Точно так же и к производному слову *яркий*, которое в русском литературном языке с XVI в. засвидетельствовано в значении 1) 'светлый, сверкающий', а в украинском сохраняет значение не менее древнее: 2) 'страстный' (ср. *яркисть* — 'мужское семя') и 3) 'острый, хорошо режущий' (*ярка коса*; ср. *яро́й нож* — у Даля, северное), — находим следы более древнего употребления в псковских говорах: *яркий* (голос) — 'громкий': «Там бабы тоже такни *яркии*, пагаварить любя, ну, висёлы бабы» (с. Замошин Гдовск. р-на). Ср. еще псковск. *ярли́вый*: «есть краски *ярли́выи* такни» (с. Приезжино Островск. р-на).

В польском *јагу* имело, кроме значения 'весенний, посеянный весной, предназначенный для весеннего посева', что связано с существительным *јагз* — 'весна', еще и значения: 'чистый, ясный'

¹ См.: Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия в его бытовом и этнографическом применении. СПб., 1898, с. 143. Ср.: Белорусско-русский словарь. Под ред. К. К. Крапивы: *яр*¹ — 'овраг, балка'; *яр*² — 'ярь, яровое'; *яравы́* — 'яровой'; *ярка*¹ нареч. — 'ярко, свежо'; *ярка*² 1) 'яровая пшеница'; 2) 'молодая овца'; *ярысты* — 'овражистый'; *ярыца* — 'яровая рожь' (с. 1047).

² Это слово засвидетельствовано с XI в. (см. в «Материалах для словаря...» И. И. Срезневского), проходит через все академические словари с тем же значением. Но у В. И. Даля: *ярь* и *ярина* — 'тук, сок, растительная сила почвы, особенно переносимая на грибы' (изд. 3-е. Т. IV, с. 1582).

³ Ср. в украинском: *яро́та* — 'овечки и барашки возрастом до одного года' (одесск.); *яро́тина* — 'шерсть годовалой овцы' (волынск.). — Словарь украинского языка Б. Д. Гринченко. Т. IV. Киев, 1909, с. 543. Сербская параллель ниже.

⁴ Там же, с. 541—543.

⁵ Куликовский Г. Словарь областного олонецкого наречия. СПб., 1898, с. 143.

⁶ Дополнения к Опыту областного великорусского словаря. СПб., 1858, с. 313.

(woda jara, słońce jare) и 'молодой, сильный||полный страсти, похоти' (stary skacze jako młodziak jary)¹.

В словацком: *jarý* — 1) 'бодрый'; 2) 'моложавый'; 3) *поэт.* 'юный'; *јаго* и *јаг* — 'весна'².

В чешском: *јаго* — 1) 'весна'; 2) 'год'; *јагý* — 1) 'буйный, свежий, молодой'; 2) *јагпí* — 'весенний'; *јаг* — 'яровые хлеба'³.

В сербском словаре Вука Караджича⁴ находим: *jār*: I. *по-сијао* жито на *jār* и *jāra* — 1) 'жара'; 2) 'загон для скота' и *jāre*, *jāreta* — 'козленок, козочка'; II. *jārī*, *rārō* — 'яровой', *јарина* — 'яровые хлеба', *јарица* — 'пшеница'; III. *јарити се* — 'воспламеняться, разгорячаться', *јарич* — 'любовный пыл'.

Подведем итог по системе значений существительного и прилагательного *яръ*, учитывая данные русского, украинского, польского, чешского, словацкого и сербского языков.

Яръ (яра, яро)

I^a сущ.

Лето ∞ весна (отсюда: *ярило*);
 || жара, пыл, зной;
 ↓
 || год.

II^a

Страсть, любовный пыл (серб. *јарич*, *јарити се*; русск. *яриться*).

III^a

Гнев, ярость (уже в XII в. — в «Поучении» Кирилла Туровского).

I^b прилагат.

Весенний (сюда: *яровые*; рожь *јарица*);
 || родившийся в этом году, годовалый (сюда: *јарка*, *јарина*, *јрѣтина*, *појрок*);
 || зеленый (о вещах);
 || молодой, юный (о людях);
 ↓
 || полный сил, неутомимый;
 || *перен.* острый (нож, коса);
 || *перен.* быстрый, проворный.

II^b

Страстный, пылкий.

III^b

Похотливый;
 || гневный, гневливый;
 || сварливый, заносчивый;
 || жестокий, строгий.

¹ *Linde S. B. Słownik języka polskiego. T. II. Lwów, 1855, s. 238; Słownik staropolski. T. III. Zesz. 2 (15). Wrocław—Kraków. Warszawa, 1960, s. 117; Karłowicz J. Słownik gwar polskich. Kraków, 1901, s. 235; Karłowicz J., Kryński A., Niedźwiedzki W. Słownik języka polskiego. T. II. Warszawa, 1902, s. 137. Ср. с последним значением бел. *ярцула* — 'игривая (баба, девушка)'. См.: *Добровольский В. Н. Смоленский областной словарь. Смоленск, 1914, с. 1020.**

² *Slovensko-ruský prekladový slovník. D. I. Bratislava, 1950, s. 247.*

³ *Slovník spisovného jazyka českého. Praha, 1959, s. 764—765.*

⁴ См.: Вук Караџић. Српски рјечник. Беч., 1852, с. 247.

- I. Светлый, сверкающий.
 II. Страстный, пылкий (ср. укр. *яркість* — 'мужское семя').
 III. Громкий, звучный (голос);
 веселый, шумливый (бабы) (псковск.).

Сопоставляя схему значений слов *буй* и *яръ*, отметим, что более отчетливо в и с х о д н ы х словах и осколочно в производных намечается генеральная линия развития от синкретического обозначения природного (стихийного) явления к расчлененному, обособленному развитию существительного с более конкретными (предметными) значениями и прилагательного — с более обобщенными значениями.

От обозначения бугра, холма и глубокой ямы под водою слово *буй* — существительное — переносится на явления социально или экономически выделенные: 'место менового торга, княжеского суда'; 'храмовая усадьба'. Параллельно *буй* — прилагательное — переносится с признака холма 'высокий' на свойство человека — 'гордый, необузданный' (вероятно, посредствующим было значение: 'большого роста, могучий, сильный').

Последним этапом семантического развития существительного было эвфемистическое обозначение кладбища, прилагательного — наименование глупца. Эвфемистическая функция была губительной для этого слова, как и многих других в различных языках.

Слово *яръ* тоже сперва обозначает природные явления, безотносительно к человеку: 'весна, лето, зной', потом 'время полевых работ (пахоты, сева)' и далее более отвлеченное понятие 'год'. Как прилагательное: 'весенний → родившийся в начале лета, годовалый'.

На втором этапе существительное *яръ* обогащается значением 'любовный пыл, страсть', а прилагательное: 'молодой → полный сил → порывистый, страстный', т. е. и здесь переход к обозначению свойств человека.

На третьем этапе — в преломлении через христианскую идеологию — существительное *яръ* обозначает 'гнев, ярость (греховную страсть)', а прилагательное *яръ* — 'похотливый, гневный, заносчивый, жестокий', т. е. приобретает отрицательный морально-оценочный характер, что тоже привело к его устранению и заменам в литературном языке. В народных же говорах прилагательное *ярый* сохранилось именно потому, что не получило отрицательного значения.

Уже в XIX в. лексикографы и этимологи (Линде, Даль, Миклошич), а за ними и авторы последующих этимологических словарей (Брюкнер, Бернекер, Преображенский, Фасмер и др.) противопоставляли группе слов *яръ* — 'лето, весна' другую, происходящую от существительного *яр* — 'овраг, крутой берег', которое объясняли как заимствование из тюркских языков. Однако это объяснение сталкивается со значительными трудностями.

В последний раз по этому вопросу писал Н. К. Дмитриев: «Яр — по Махмуду Кашгарскому 'Steilufer'. Во многих тюркских языках обозначает 'отвесный крутой берег' (очевидно, от глагола *яр(мак)* — 'рассекать пополам, рубить'). Отсюда же и русское *яр*, вошедшее в собственные имена (Красноярск, Крутой Яр и т. д.)»¹.

Однако в турецком языке *яра* — 'рана', *ярык* — 'расщелина', а 'овраг' — *дэрэ*; в узбекском 'овраг, обрыв, крутой берег' — *джар*. Иными словами, в тех турецких языках, которые раньше всего (набеги печенегов, куман-половцев) имели контакт с русскими и украинцами, подходящее по значению слово имеет начальное *дж* (*джар*), а в тех, где оно звучит сходно с начальным *ј* (*яр*), значение слова другое. Башкирское *яр* — 'берег' могло быть заимствовано из русского или же семантически приближено к русскому (как и татарское). Азербайджанское *йыртыг* — 'дыра, рваный' тоже указывает не на сходство, а, скорее, на удаление от русского *яр*. Поэтому считать слова *яр* и *яруга* несомненными тюркизмами пока нельзя.

Слово *яруга* засвидетельствовано в «Слове о полку Игореве» (т. е. с XII в.). Оно живет в современном украинском языке и некоторых южных русских говорах (например, курских, рязанских, ср. тульское *яруг* у Даля). В «Материалах...» И. И. Срезневского с XII в. представлено только слово *яръ* — 'гнев' (в «Почении» Кирилла Туровского).

Картотека Словаря древнерусского языка (АН СССР) для слова *яръ* — 'крутой берег' дает большой материал из памятников XVII в. Здесь *яр* имеет не только значение 1) 'крутой, гористый берег', но, кроме того, 2) 'возвышенное, видное, открытое место'. Приведем несколько иллюстративных цитат.

1. «А выше того осыпного городка, подле Науну, — *яр* великий и высокий» (*Спафарий*. Статейный список посольства в Китай, 1675—1678 гг. СПб., 1906, с. 205); «А кругом того озера красный *яр*» (Дополнения к Актам историческим, т. X, СПб., 1873, с. 390—1686 г.); «Да на правой стороне Иртыша повыше *яру* Ягина речка... А *яр* Ягин черной, а на *яру* растет лес березник, ельник и всякой лес, а *яр* зъло высок» (*Спафарий*. Статейный список посольства в Китай, 1675—1678 гг.).

2. «А в Тобольску служивые люди в распросе сказывали, что на Кетцком устье на *яру*, где стоять городу погоже и вперед прочно, пашенного места и лугов много, и рыбные ловли и озера есть» (*Мил-*

---

¹ Дмитриев Н. К. О тюркских элементах русского словаря.—Лексикографический сборник. Вып. 3. М., 1958, с. 37. Ср. в словаре: *Lokotsch K.* Etymologisches Wörterbuch der europäischen Wörter orientalischen Ursprungs. Heidelberg, 1927, S. 74, № 935; тюрк. *јаг* — 'обрыв, крутой берег', основа *јаг* — 'раскалывать, расщеплять; образовать расселину' (*Вамбери*. Этимологический словарь тюркских языков). *Келекиан Камус*, 1336^a: 'пропасть'. Отсюда болг. *яр* — 'большая яма, ров', польск. *јаг* — 'овраг, провал', *јагуга* — 'низкое болотистое место', русск. *яр* — 'крутой берег', *яруга* — 'овраг'; S. 75, № 938: тюрк. *јагук* — 'расселина, трещина' (основа *јаг*-), отсюда русск. *яруга* — 'овраг', серб. *јаруга* — то же.

лер Г. Ф. История Сибири. М.— Л., 1937, с. 437 — грамота 1611 г.); «А стоит [Демьянский ям] на красном месте, на яру, а живут русские люди» (Спафарий. Путешествие через Сибирь, 1675 г. СПб., 1882, с. 95); «А против того острова на другой стороне яр каменной будто столбы великие» (там же); «А поистинь тот яр есть так будто гора, потому что во многих местех есть превысокий» (там же, с. 46); «Но мы ныне, оставляя гору или яр Кряж, опять возвращаемся ко описанию реки Иртыша» (там же, с. 47).

Заметно расходятся с предполагаемыми тюркскими источниками и те далеко уводящие значения слов *яр* — *ярок* — *яруга*, которые указывает В. И. Даль (Толковый словарь, изд. 3-е, т. IV, с. 1579—1581): *яр* — 'крутойяр или крутизна, круть, круча, крутик (но не утес, не каменный); ||обрыв, стремнина, уступ стеною, отрубистый берег реки, озера, оврага, пропасти; подмытый и обрушенный берег'. *Подводный яр* — 'внезапный, глубокий уступ дна'. «По ярам ходила, ягоду брала» — 'по оврагам, буеракам'; ||вологодск. 'быстрина реки, ярое течение'; ||'юр, открытое место', уменьшит. *ярок* и *яруга* южн.— 'овраг, росточь, глубокая водороина; крутобокая лощина'. *Яруга* — ворон. 'роща, растущая на острове'. *Яруг* — тульск. 'яруга, овраг, буерак||ручей в овраге, ключ, родник'.

Таким образом, мы наблюдаем развитие сложной системы значений у слов этой группы. Укажем, кроме того, образование сложных слов: *крутойяр* (синоним к *яр* в I, наиболее известном значении) и *яроводье*. Последнее имеет такие значения: 'сильный разлив; поём после ледолома, разрушительные потоки вешних вод и бурливых речек' ||арханг. 'сильный морской прилив, который спирается с высокой водой Двины'. В слове *яроводье* можно заметить связь с прилагательным *яр(ый)*, но из дальнейших сопоставлений будет ясна и связь с существительным *яръ* — 'водоворот, быстрина реки'.

Итак, современным русским говорам слова *яр*—*ярок*—*яруга* известны в разнообразных значениях и почти на всей территории распространения русского языка в Европе и Азии. Приведем ряд примеров только на слово *яр*, наиболее для нас важное из этих трех:

1) 'Крутой берег реки или крутой, обрывистый склон возвышенности' (тобольск, пермск.), ср. «*яристые* речки» — 'с крутыми берегами' (терск., гребенск. каз.); «Выду, выду на *яр* поля, ни дождусь ли милку с моря» (ворон.).

2) 'Крутой обрыв' и 'глубокое место (в реке) с водоворотом' (вятск., калужск., мещовск.).

3) 'Крутой берег' и 'открытое высокое место' (вологодск.).

4) 'Быстрина реки' и 'место, открытое действию ветров', то же, что *юр* (вологодск.).

5) 'Открытое высокое место' (сольвычегодск.).

6) 'Глубокое место в реке' (чердынск., Поволжье, ср. холмогорск.); *ярь* — 'самое бурное течение в реке, водоворот, пучина'.

7) 'Утес, гора отвесно-крутая' (саратовск.).

8) 'Глубокий овраг с крутыми берегами': «Корову нашел в *яру*» (саратовск., донск., челябинск., липецк.).

9) 'Лог, углубление, поросшее лесом или кустарником, пустынное место' (курск.); «Кто *яром*, *яром*, а кума косогором» (донск.)¹.

Схему значений слов *яр*² и *яруга* в восточнославянских языках мы восстанавливаем на основании вышеизложенного в таком виде:

Яр²

I^а. Открытое высокое место;

↓
|| гора отвесно-крутая;
|| крутой, высокий берег.

I^б. Глубокое место, уступ
дна (в реке, озере);

↓
|| водоворот, бурное течение,
пучина (то же, что *яр* в хол-
могорск.).

II. Лог, поросший лесом,
кустарником;

|| овраг, буерак (то же, что
яруга в южнорусских диалек-
тах).

Яруга

а) Овраг, буерак (укр. и
южнорусск.).

б) Ручей в овраге, ключ,
родник (тульск.).

Нетрудно заметить здесь ту же, что и у слова *буй*, связь представлений, на наш современный взгляд, алогичную: 'гора' и 'водная пучина'; 'верхний край' и 'дно оврага'. Не только синонимичность слов *яр*² и *буй*, но именно аналогичность семантической структуры представляет большой интерес.

По свидетельству Линде, и польское *jaг* имело в старых текстах значения: 1) 'крутой скалистый берег', 2) 'глубокое место (водоёма)' (см.: *Linde S. Słownik języka polskiego*, t. II, s. 236), а слово *jaгуга*, которое А. Брюкнер без достаточного основания считает заимствованным из русского, имело совершенно неизвестное ни русскому языку, ни предполагаемому турецкому источнику значение 'глубокое болото' (там же, II, 238). В польских диалектах *jaг* имеет значение 'долина, углубленное место между плоскогорьями' (*Karłowicz J. Słownik gwag polskich*, t. II, Kraków, 1901, s. 232), а в современном польском: 'обрывистый лог среди лесов, степей' («Варшавский словарь» А. Крыньского, Я. Карловича и В. Недзведзкого).

Богатые материалы по употреблению слова *яр* (*ярок*, *яруга*) свидетельствуют о древности его в русском, украинском и польском языках. Обращает на себя внимание одновременность, сосуществование полярно-противоположных значений, как это свойственно слову *буй* и некоторым другим словам. Например, украинскому —

¹ Кроме опубликованных лексикографических источников, использованы данные картотеки Областного словаря АН СССР.

буковинскому *бердо*: 1) 'холм, гора', 2) 'ущелье, пропасть' (верхоратск.), 3) 'ручей' (ср. серб. *брдо* — 'гора'); или русскому *враг*: 1) 'овраг', 2) 'верх, крутой берег оврага' (в пензенских говорах, по свидетельству А. Конусова).

Едва ли можно предполагать в этих случаях «поляризацию значений» как основную закономерность семантического развития. Более вероятен первоначальный синкретизм сложного значения, в котором постепенно расчлняются и дифференцируются наиболее расходившиеся элементы синкретического значения: 'высокий крутой берег' || 'впадина, глубокое место в реке, озере', или — 'высокое открытое место' || 'глубокий овраг; дно оврага', а затем уже выделяются переносные и другие производные значения. Отдельные русские говоры знают теперь либо по одному из первичных значений, либо, в редких случаях, сохраняют древнее «единство противоположностей», либо только производные, иногда лишь одно из позднейших производных значений.

Наличие единства противоположных значений, на наш взгляд, является свидетельством древности слов с такой семантической структурой. Для литературного языка и говоров на новом этапе развития характерен распад этого единства, приводящий не к двум, а ко многим производным значениям, частным по отношению к исходному и очень редко «полярным».

Отметим, что развитие значений прилагательных *буй* и *яр* имеет ясно проследимый параллелизм, а существительное *буй* может быть сближено по комплексу значений с существительным *яр* — 'открытое высокое место' || 'глубокое место в водоеме' и т. д. и с существительным *яр* — 'весна, лето' как будто не соотносится; эти два существительных, по мнению большинства лексикографов, стали омонимами. Однако и для прилагательных, и для всех трех существительных (*буй*, *яр*¹, *яр*²) возможно возведение к исходному единственному комплексному значению. Мы уже обращали внимание на слово *яроводье*, в котором первый компонент имеет значения и 'весенний', и 'полный сил, необузданный', но, с другой стороны, может быть истолкован и по связи с 'круча', 'крутояр', 'омут под обрывистым берегом'.

Сложный клубок древних идей и представлений, сосредоточенный в культе Ярилы (у восточных славян), мы тоже не выводим из одного значения исходного слова, а лишь из нескольких семантических комплексов слова *яр* — существительного, прилагательного и производного глагола (см.: Д а л ь В. И. Толковый словарь, изд. 3-е, т. IV, столб. 1577).

Последнее звено в исследуемой группе слов — *юр* (производные: *юра́*, *юро́*, *юро́м*, *юрко́й*, *юрова́той*, *юри́ть*, *юри́ла*, *юрк(ну́ть)*, *юрко́м*).

В Словаре Академии Российской: «*Юр* — 'место возвышенное и открытое, подверженное действию ветров и непогоды'. Дом стоит на *юру*» (ч. VI, СПб., 1822, с. 1429). В. К. Третьяковский писал: «Когда мы говорим, например, *сей двор стоит на юру*, то означаем,

что тот двор ничем не прикрыт со всех сторон от ветров, дующих свободно» (Три рассуждения. СПб., 1773, с. 30).

Русские народные говоры дают богатый материал на очень разнообразное употребление слова *юр*:

1) 'горка, самое видное место' (арханг., вытегор.); 'открытое место, бугор' (иркутск.); 'возвышенное, открытое место, ничем не защищенное от бурь и ветров' (саратовск., владимирск., тамбовск., вятск.); 'уединенное возвышенное место' (козловск., тамбовск.); *на юру* — 'в стороне, вдалеке, на горе' (переяславско-владимирск.); 2) 'отовсюду видное место' и 'фарватер реки' (вологод. и устюж.); 3) 'бойкое, многолюдное место' и 'быстрина реки, фарватер' (вологод.). То же у В. И. Даля (изд. 3-е, т. IV, с. 1551); 4) 'край оврага, горы' (псковск.)¹.

Во многих русских говорах чередуются *юр* и *юрó*, как синонимы. Но форма *юрó* более известна только в двух значениях — не первичных: 1) 'струя, остающаяся за идущим судном, кильватер'; 2) 'масса плывущей стадом рыбы или стадо морского зверя' || 'семь штук или голов тюленей' (арханг.).

Только с этим вторым значением можно соотносить *юрóm* (юрóm кататься с ледяной горки на санках) — 'не сидя, а стоя, человека по два, по три' (арханг.).

Но более древними значениями слово *юрó* следует признать: 1) 'середина реки, самое быстрое течение' (каргопольск.), 2) 'омут' (псковск.), а из этого уже — 'стая рыбы' и 'бурлящий кильватер'.

Дифференциация значений двух форм слова *юр* и *юрó* разорвала ту алогичную связь: 'гора, высокий берег' || 'быстрина реки, омут', какую еще сохранили говоры в употреблении слов *буй* и *яр*.

Параллелизм развития значений слов *буй*, *яр* и *юр* выше достаточно отчетливо выяснен.

Если привлечь еще производные глаголы: *буй* — *бу́яти* — 'взлетать высоко', *перен.* 'горделиво заноситься'; *яр* — *яре́ть* — 'приходить в возбуждение', *яри́ть* — 'возбуждать', *яри́ться* — 'загораться страстью' (ср. латыш. *jāgēties* — 'беситься, шалить'); *юр* — *юри́ть* — 'торопиться, бежать за кем-нибудь' (бел. *юрыць*)²; *юри́-*

¹ Литовские слова *jáuga*, *jáure*, *jáugas* и *jaugūnas*, *jaugūne* означают теперь: 1) 'сырая, тяжелая, неплодородная почва || песчано-глинистая земля' и 2) 'болотистое место, болото' (*Lietuvių Kalbos žodynas*. Т. IV. Vilnius, 1957, р. 315). Они представляют лишь реликт слова с более широким кругом значений. Все эти слова этимологически родственны балтийским: литовские *jūgė(s)*, диал. *jūga*, *jūgios* и латышское *jūga*, которые сейчас в литературных языках употребляются в значении 'море', но, судя по данным древнего фольклора, ранее означали 'большое болото, топь' или 'мелкий морской залив'. Слово *jáugas* фонетически точно соответствует славянскому *юръ*, а из этого факта тоже можно извлечь утраченное в славянских языках семантическое звено: 'болото, низина, топь'. Ближе всего к этому русское диалектное *на юру́* — 'в стороне, в отдалении' (о дворе, о доме, поставленном в неудобном месте).

² Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870, с. 725: *юриць* — сов. *заюриць* (от Юрьева дня, т. е. 23 апреля, когда домашний скот начинает, при наступлении весны, чувствовать силы и заигрывать (яришь) по пословице: «Бычки бушуюць, весну чууюць»): 1) 'шалить, заигрывать', 2) 'надоедать шалос-

ла — 'егоза, торопыга'; *юрѣться* — 'похотливо увиваться' (ср. польск. *jurzyć, rozjurzyć*), — то и в этой проекции близость и соотносимость исходных слов не будет умалена или поколеблена.

В третьем гнезде слов — *юр* и производные — недостает прилагательного. Но можно реконструировать его: а) на основе существительного *юрá* — 'шалун' (обозначение по свойству характера, признаку, который выражался когда-то прилагательным); б) на основе польск. диал. *jurpu* — 1) 'здоровый, крепкий', 2) 'смелый, отважный'; в старопольск. с XVI в. *jurpu* — 'похотливый, страстный', позже *jurzpu* — 'распущенный, развратный'. Здесь близкая аналогия значениям слова *яр* (прилагательного) с тем же пейоративным преломлением семантики в литературном языке под воздействием христианской морали и «рыцарской» шляхетской цивилизации. Прилагательное *юрный* известно и украинскому языку (см. словарь Желеховского), но, судя по значению 'похотливый, распущенный', оно вошло в украинский литературный язык не из народной речи, а из литературного польского языка. Такое же заключение можно сделать, сопоставляя укр. *юрный* с чеш. диал. *igný* — 'сильный, большой', со словацк. диал. *ignó* — 'пламенно, быстро, сильно'. Это, на наш взгляд неоспоримое, сопоставление сделано Фр. Славским в Этимологическом словаре польского языка¹; он напоминает при этом пары: п. *jutro* || р. *утро*; п. *jucha* || р. *уха*; п. *już* || р. *уже*; п. *juzupa* || р. *ужин*, в которых обратное распределение йотованного и нейотованного *у*.

Юрный (*юр-ьнѣ), надо предполагать, вытеснило первичное (без суфф. *-in-*) прилагательное *юрѣ*, когда-то совпадавшее с существительным *юрѣ*, как это засвидетельствовано для *буй* и *ярѣ*. Вторым производным было известное восточнославянским языкам прилагательное *юркий*.

Таким образом, все три звена этого ряда выстраиваются в концентрическую систему *яр* — *буй* — *юр* с однотипной семантической структурой, с очевидными совпадениями не каких-то оттенков значения, а довольно необычных их сочетаний, совпадениями в такой последовательности развития значений, какая не свойственна нашей эпохе, а должна быть отнесена к ранней истории наших языков, по крайней мере к дофеодальной эпохе.

Дальнейшие разыскания других цепочек, других групп слов — с однотипным, но не типичным сочетанием значений — позволят расширить круг реконструируемых архаичных семантических комплексов и написать начальную главу исторической семасиологии славянских языков.

1963 г.

тями', 3) 'предпринимать что-либо непременно'. *Юр* — 'шалость, своеволие, выходящее за пределы благопристойности': «*Юр* бабу берець».

Ср. Белорусско-русский словарь под ред. акад. К. К. Крапивы: *юр* — 'похоть, сладострастие'; *юрлівы* — 'похотливый, сладострастный' (с. 1044).

¹ См.: *Sławski F. Słownik etymologiczny języka polskiego. T. I. Kraków, 1952—1956, s. 592 n.*